

Дон Кихот, который закрыл собой амбразуру

В Театре армии Владимир Михайлович Зельдин сыграл и спел Дон Кихота

19
Независимая - 2004 -
17 фев. - с. 12

Григорий Заславский

Можно было бы сказать: не за что уцепиться. В спектакле, который в Академическом театре российской армии поставил Юлий Гусман, если воспользоваться языком военных стратегов, основной вид боевых действий – отступление. Но публика, которая заполняет зал – и партер, и балкон, – вне себя от счастья: не веря своим глазам и тому, что успели услышать, пришла посмотреть, как играет 90-летний Зельдин. Шли «на Зельдина». И он не обманул ожиданий!

В это невозможно поверить, пока не увидишь собственными глазами: как бы то ни было, существует стереотип, каким дол-

Зельдина со знаменитыми изображениями странствующего идадьго. Сам пафос его речей не кажется у кого-то заимствованным, скорее произнесенным от души, что, быть может, несколько расходится с замыслом американских авторов мюзикла, где Дон Кихот ищет и находит приключения не только на свою голову, но и на головы тех, кому искренне желал добра и милосердия.

Когда он восклицает: «Кто ответит, что такое безумие, когда весь мир сошел с ума?!» Или когда говорит, что надеется сделать наш мир чуточку добрее и милосерднее, он обращается и к публике тоже, а не только к товарищам по сцене. Это – не только игра. И надо сказать: в устах актера эта проповедь не

ги рекордов Гиннеса, чтобы запечатлеть небывалое?! Кажется, не было.

Зельдин «сшит» не по-стариковски. Он берется играть Дон Кихота и играет не умирающего старца (что было бы и позволительно, и понятно), старика-аристократа, что то ли вправду, то ли в видениях и старческом своем бреде был рыцарем Печального образа, который лежит и вспоминает. Он играет Дон Кихота мужчиной в полном расцвете сил, он поет, падает на одно колено перед дамой и мгновенно поднимается без посторонней помощи. И поет – лучше всех остальных в этом спектакле. Можно было бы вообразить, что все остальные нарочно играют в поддавки, если бы подобная необходимость хоть раз обнаружила себя. Владимир Михайлович Зельдин и сегодня в такой нечестной игре почти не нуждается: разумеется, надо отдать должное балетмейстеру спектакля Олегу Николаеву, постановщику драк и боев, в которых Дон Кихот-Зельдин кажется полноправным участником, а порой – главным задирой. Носится с копьем, сражается, как говорится, без страха и упрёка, готовый один выйти на битву с превосходящими силами противника...

Тут еще можно – и конечно, нужно! – сказать, что эта роль естественно продолжает актерскую биографию Зельдина, и как бы посылает привет великому прошлому Театра армии, где и пели, и танцевали, и легкомысленно шутили, говорили о благородстве и слыли романтиками, особенно в трудные для России времена, когда настоящих романтиков штабелями укладывали в фундаменты ударных строек социализма. Ну а особо легкомысленные шутки имели специальное обозначение в длинном алфавите знаменитой 58-й статьи УК.

Но если подвиги Дон Кихота кажутся нам сомнительными, подвиг Зельдина – несомненен.

90-летний Зельдин «сшит» не по-стариковски

жен быть на сцене патриарх, которому вот-вот стукнет 90. Размеренная речь, суховатый старческий голос, молодой партнер, на всякий случай страхующий рядом старика-учителя, все исполнено значения и смысла, добавляет величия каждому выходу на сцену... Ничего подобного нет в игре Зельдина, никакой величественности, напротив, – вызывающее ребячество и полное отсутствие того, что составляло прежде «допоборудование» в игре великих театральных стариков.

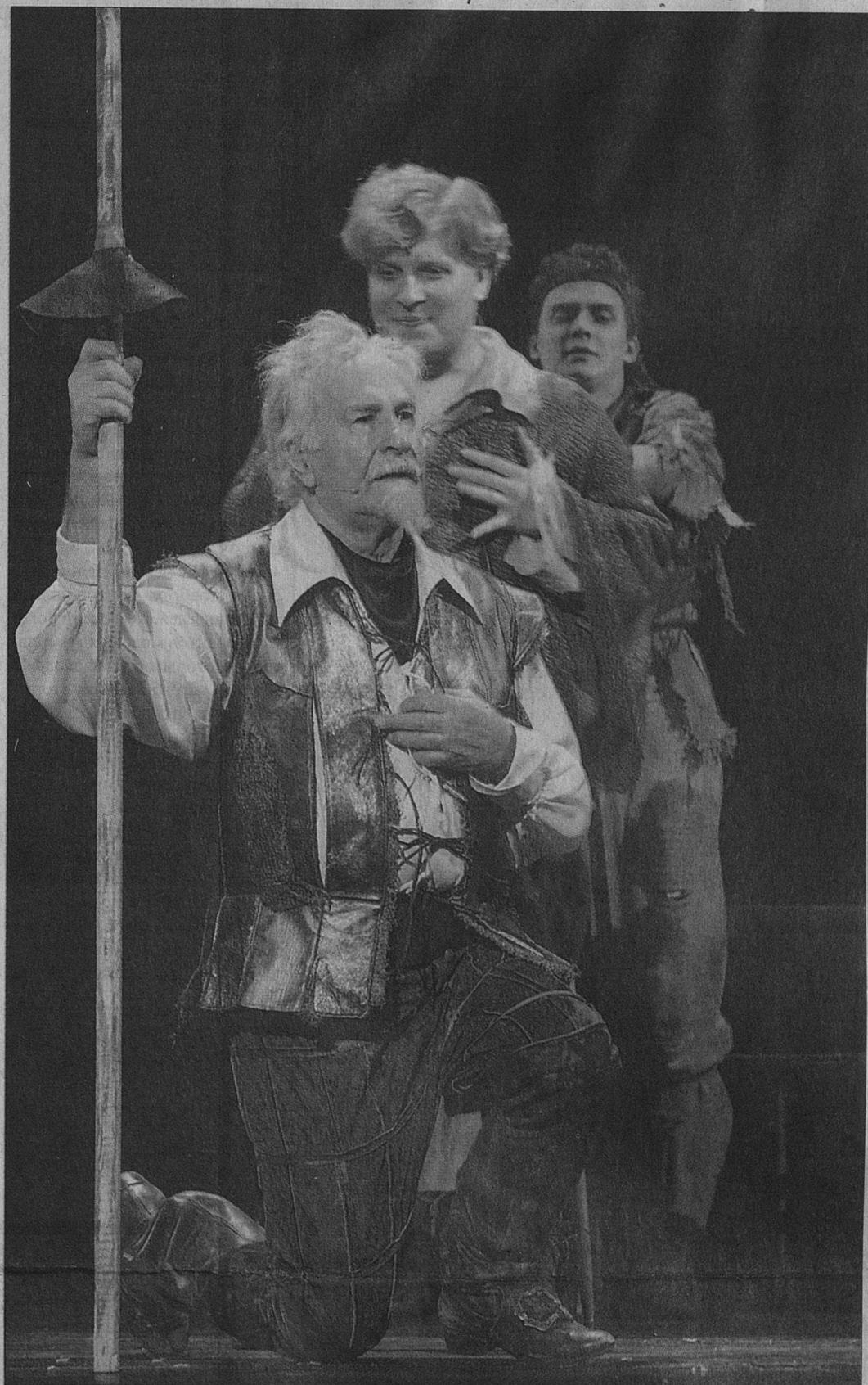
«Я иду, ибо кто-то должен идти!.. Смотри вперед!.. Клянись всю жизнь мечтать!..» – поет он слова своей «проповеднической» роли из мюзикла, написанного в пору его собственной молодости – Дейла Вассермана, Джона Дэриона и Митча Ли (русский текст песен Юрия Айхенвальда).

Поражает не только портретное сходство нынешнего

выглядит смешной и нелепой. И он ничуть не страшится прослыть безумным идеалистом. Чего ему бояться?!

Несколько добрых слов можно сказать еще по адресу Ольги Васильевой, которая играет Альдонсу-Дульсинею. Почти все остальное в спектакле – мимо. Дмитрий Ошеров, приглашенный из Театра имени Моссовета, чтобы сыграть Санчо Пансу, бессодержательно суетлив, а, пожалуй, единственной несомненной удачей постановщика Юлия Гусмана (невесть почему названного мастером мюзикла) так и остается назначением актера на главную роль. Кажется, мелочь: в финале на фоне бесчисленного числа электрических свечек актеры выходят на сцену с живыми свечами. Это не старый традиционный театр, это – плохой театр.

В антракте Михаил Ефремов искренне недоумевал: неужели в зале нет представителей Кни-

Вечная молодость Владимира Зельдина.

Фото Михаила Гутермана